

УДК 340.124
DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107

А. Б. ДИДИКИН

Институт государства
и права РАН,
г. Москва

ЛОГИКА «ЧИСТОГО ПОЗНАНИЯ» И КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ПРИНЦИПА ПРИЧИННОСТИ В НОРМАТИВИЗМЕ

Статья посвящена анализу философских оснований нормативизма Ганса Кельзена, представленных в аргументации Марбургской школы неокантианства. С помощью реконструкции «логики чистого познания» Г. Когена переосмысливается понятийный аппарат нормативизма. Отдельное внимание уделено концептуальному анализу принципа причинности в научном познании, корни которого обнаруживаются в античной философской мысли и мифологии с идеями воздаяния и возмездия. В качестве дополнительных аргументов для методологии познания права приводятся рассуждения теории нормативизма, обосновывающие методологическую альтернативу поиску причинно-следственных связей в правовой реальности.

Ключевые слова: нормативизм, правовые нормы, причинность, возмездие, мифология, античная философия, Ганс Кельзен.

Нормативизм или «чистое учение о праве» достаточно давно является предметом глубоких дискуссий в отечественной и зарубежной философии права¹. Возникнув в эпоху смены парадигм в сфере научного познания в первой половине XX века, нормативизм, неразрывно связанный с именем его создателя, австрийского философа и правоведа Ганса Кельзена, а также его учеников и оппонентов, успешно интегрировал множество подходов, иллюстрирующих и обосновывающих формирование понятийного аппарата гуманитарных наук на основе историко-философских исследований. Именно поэтому первоначально сдержанное и скептическое отношение к базовым идеям нормативизма постепенно сменилось на его серьезную критику, а также неприятие в отечественной правовой мысли². Одним из примеров являются устойчивые попытки отечественных ученых «приравнять» идеи нормативизма к позитивизму (различных версий) и «приписать» ему отрицание роли права и взаимодействия правовых и моральных регуляторов в поведении человека³. Аналогично остается малоизученной и философская составляющая нормативизма, в особенности идеи и взгляды Ганса Кельзена как историка античной философии и современной философии науки. Между тем Кельзен активно публиковал еще в период до эмиграции в США в 30-е годы XX века научные статьи в ведущих европейских журналах, посвященные осмыслению категорий и понятий античной философии, восприятию категорий политологии в европейском дискурсе [4, 5].

Актуальным и в настоящее время становится переосмысление Кельзеном принципа причинности как ключевого ориентира в методологии науки, которое можно проследить в его работах 30–50-х годов XX века, в том числе в книге *Society and Nature* 1943 г. [6].

Одной из главных причин поверхностного восприятия идей «чистого учения о праве» отечественными исследователями является игнорирование методологической роли философии неокантианства, понятийный аппарат которого Кельзен не только заимствует, но и адаптирует в собственных историко-философских исследованиях. Многие базовые категории нормативизма невозможно осмыслить без их неокантианской составляющей. Настоящее желание Г. Кельзена сохранить неизменным понятийный аппарат «чистого учения о праве», даже в процессе перевода собственных текстов с немецкого языка на английский язык, привело к тому, что прояснение смысла этих базовых категорий необходимо для адекватного понимания аргументации в нормативизме.

«Чистое учение о праве» Г. Кельзена основывается на идеях Марбургской школы неокантианства, восприятие которых происходило на ранних этапах его творчества. В одном из писем Г. Кельзен утверждает, что «с погружением в кантианскую философию марбургского направления, которая была нацелена на высшую степень чистоты методов, мой взгляд все четче ухватывал многочисленные весьма сомнительные и туманные положения,

которые впитывала в себя теория права через осознанные или неосознанные тенденции авторов» (из письма Г. Кельзена о творчестве 1914–1918 гг. [7, с. 20]).

В основе аргументации Марбургской школы неокантианства и ее основателя, Германа Когена, лежит философски обоснованная система *логики «чистого познания»* (трансцендентальной логики). Этот вариант переосмысления принципов кантовской логики подробно обосновывается в философских трудах Г. Когена. Так, Г. Коген рассуждает о том, что «чистым» является познание, имеющее первоначало в мышлении, являющемся первоначалом себя самого: «Чистое мышление в себе самом должно производить исключительно чистое познание. Поэтому учение о мышлении должно стать учением о познании» [8, с. 117]. В этом смысле построение понятийного аппарата науки должно быть сопряжено с соблюдением методологического принципа «чистоты» познания, близкого по своей сути к трансцендентальному методу неокантианской логики: «Если находят, что понятие системы является необходимым для науки, является для нее конститутивным, то становится необходимым найти элемент сознания, который в своей всеобщности соответствует этому признаку науки» [9, с. 147].

«Чистое мышление» у Г. Когена выступает средством построения системы принципов научного познания («мышление логики является мышлением науки»), а рефлексивный характер мышления подчеркивает трансцендентальный характер логики как средства познания. Аналогично в нормативизме поиск первоначал правового бытия, происхождения правовых явлений, а также представления о праве (правосознание) должны иметь в качестве первоосновы исходные постулаты (принципы познания). На этом пути Кельзен формулирует критику естественного права как формы религиозной веры и скептически воспринимает догмы эмпиризма в праве.

Сущность трансцендентального метода познания в логике Г. Когена состоит в том, чтобы определить специфику воспроизведения в категориях мышления изучаемых явлений. Поскольку принципы мышления априорны и выступают основой познания, а логика чистого познания является основой и мышления, и бытия, логика как средство объединения и разъединения явлений в конечном итоге производит в мышлении объект. Так, Г. Коген утверждает: «Любое чистое познание должно быть вариацией принципа первоначала. Иначе оно не имело бы ни самостоятельной, ни чистой ценности... Так логика первоначала становится логикой чистого познания» [8, с. 123–124]. В таком понимании мышления объекты мыслятся с логической точки зрения, так как мышление, воспроизводящее объект, не производит его для эмпирической реальности. Аналогично в «чистом учении о праве» сущность права состоит в долженствовании, должном поведении, которое может быть оценено лишь уполномоченным субъектом права. Тем самым правовые отношения возникают в процессе интерпретации правовым мышлением эмпирических фактов и действий, однако очевидно, что не всякие действия и факты оказываются в плоскости правового регулирования. Правовые нормы могут и не соотноситься с социальной реальностью.

В логике чистого познания схема рассуждения выглядит следующим образом — от первоначала как принципа познания к понятию объекта: «Толь-

ко само мышление может производить то, что может быть настолько важным, как бытие» [8, с. 132]. Точно так же рассуждает Г. Кельзен о правовых явлениях: «если мы рассмотрим некие фактические обстоятельства, называемые правом, например, голосование в парламенте, административный акт, судебное решение, сделку или правонарушение, то в них можно различить два элемента: происходящий чувственно воспринимаемый акт (человеческое поведение)...и внутренне присущий событию смысл — его значение» [7, с. 115]. В нормативизме правовое значение фактическим обстоятельствам придает правовая норма: «норма функционирует в качестве схемы истолкования. Она порождается через правовой акт, а этот акт, в свою очередь, получает свое значение от другой нормы» [8, с. 117]. Тем самым право как предмет познания может восприниматься лишь в контексте нормативности — «действия» как проявления «актов воли» получают правовую оценку через предписания правовых норм. Природным явлениям или событиям актом воли субъекта придается правовое значение (применением общей нормы), а сами действия затем порождают индивидуальные нормы при реализации прав и обязанностей. Таким образом, бытие правовой нормы — не в пространстве и времени, а исключительно в человеческом поведении, границы которого «продуцируются» правовым мышлением и его категориями. С точки зрения неокантианской логики, «основная норма» у Г. Кельзена выступает как трансцендентально-логическая категория: «При условии действительности такой основной нормы действует и основанный на ней правовой порядок» [8, с. 167].

«Основная норма» постулируется правовым мышлением: в правовой системе взаимосвязь общих и индивидуальных правовых норм обеспечивается соответствием основной норме как гипотетической конструкции (например, сущность Конституции выражена в идеях американских просветителей, а не в позитивных правовых принципах самой Конституции): «Она не действует как позитивно-правовая норма, а предпосылается как условие любого нормотворчества...» [8, с. 167]. Таким образом, в контексте логики «чистого познания» нормативизм выглядит как вариация уже сформулированных Г. Когеном философских принципов познания, которых Кельзен придерживался на протяжении всего своего научного творчества.

В онтологических представлениях Г. Кельзена содержатся важные методологические предпосылки, позволяющие ему выстраивать логическую иерархию правовых норм в единую систему с определением оснований этой системы. Одна из них состоит в том, что в теории права не применимы в полной мере принципы поиска причинно-следственных связей в силу специфической логики юридического объяснения: «Очевидно, что правовая наука не нацелена на причинное объяснение феномена, поэтому в утверждениях, которыми правовая наука описывает свой объект, применяется принцип вменения, а не принцип причинности» [10, с. 273]. Тем самым прослеживая эволюцию представлений о причинности с античной философии, Г. Кельзен характеризует правовую реальность как специфическую сферу отношений, где эмпирически причинность не может проявляться. Точно так же, как при пожаре мы не ссылаемся на стихийные силы природы, а ищем причины в действиях человека, в нормативизме принцип вменения позволяет

признать действия юридически значимыми, если уполномоченные субъекты придают юридическое значение таким действиям. По существу Г. Кельзен стремится не расширять правовую сферу до всей совокупности социальных отношений, а напротив, сужает ее до возможностей урегулирования этих отношений правовыми нормами, поскольку только индивидуальный учет конкретных действий позволяет «вменить» ответственность за правонарушение: «поскольку связь между деликтом и санкцией устанавливается актами, значение которых состоит в запретах или дозволениях, или, что то же самое, в нормах, наука о праве описывает свой объект высказываниями, где деликт и санкция связаны использованием связи "должен". Я предложил именовать эту связку "вменением"» [10, с. 273].

Учение о причинности как принципе научного познания современной науки Кельзен исследует достаточно глубоко на материале истории философии. Несмотря на то, что причинность воспринимается им скептически для гуманитарного познания, сам характер выявления причинно-следственных связей в мышлении является важной составляющей «чистоты» юридического метода. Юридическая наука не может раскрыть сущность правовой реальности без использования специфического понятийного аппарата. Учение о причинности во многих статьях Кельзена выступает как «зеркало» для системы философских и юридических категорий. Именно поэтому основания причинной детерминации явлений он стремится обнаружить в древнегреческой мифологии, религии и философии. С этой целью им осуществляется реконструкция идеи *возмездия*, предшествующей появлению представлений о причинно-следственных связях в правовой мысли.

При внимательном рассмотрении мифологического сознания, предшествующего появлению философских идей, можно обнаружить, что в древних обществах с господствующими мифологическими представлениями идея возмездия воспринимается двойственным образом: и в качестве инстинкта самосохранения, и как проявление божественной воли (наказания за греховное поведение). В то же время ощущение древнего человека о наступлении возмездия связано с его отношением к природным объектам [6, р. 52–53]. Первобытный человек действует на основе принципа неотвратимости возмездия во всех случаях, когда он испытывает добро или зло, либо причиняет их другим людям, и воспринимает его как универсальный принцип и для природы, и для его сообщества. Как отмечает Г. Кельзен, «идея возмездия настолько очевидна для первобытного человека, что, когда его жертвы терпят неудачу, он может приписывать ее власти божества, управляющего миром» [6, р. 66]. Он полагает, что в мифологическом мышлении эмоциональное доминирует над рациональным как приоритет нормативного над причинно-следственным. В нормативистской интерпретации мифологическое рассуждение больше соответствует эмоциональному восприятию мира и противоречит рациональному познанию.

Кельзен приводит множество примеров проявления идеи возмездия в античной мифологии, учитывая антропоморфизм греческих богов и характер их взаимоотношений друг с другом, весьма напоминающий отношения между людьми. Идею возмездия может иллюстрировать символический пример с Эриниями, богинями мщения, которые предвещают неминуемую гибель человеку, нарушившему законный порядок вещей⁴. «Возмездие рассматрива-

ется всегда и везде как некий обмен хорошего на хорошее, и плохого на плохое. И, как говорится в начале *Илиады*, «кто повинуется богам, тому дано услышать хорошее» [6, р. 193]. В то же время вопрос о моральности или аморальности поступков к богам неприменим. В мифологических образах гомеровской *Одиссеи* можно увидеть сходство древних царей с богами. Отсюда и неоднозначное отношение к преступлениям царей, которые не всегда считались бы грехом и подлежали возмездию. Символическое выражение справедливости богов упоминается и в поэме Гесиода *Труды и дни*, когда для иллюстрации знания совершенного зла он вводит промежуточных существ между Зевсом и людьми, наблюдающих за их поведением. Когда Гесиод говорит о праве, он имеет в виду право, преобладающее среди людей (позитивное право), проявление справедливости от богов Олимпа. Народ как бесильная масса расплачивается за беды, исходящие от земных правителей, и может надеяться лишь на неотвратимое возмездие. Так, по мнению Кельзена, в древнегреческом искусстве изображается формула воздаяния как следствие возмущения слабых против сильных, бедных против богатых. В этой формуле справедливость является лишь способом вернуться к прошлому, поскольку существующая ситуация несправедлива.

Чтобы обеспечить социальный порядок и правомерность публичной власти, в античный период формируется идея *замещающего возмездия* как коллективной ответственности (группы людей, или даже детей за преступления родителей) [6, р. 211]. Аналогичные образы можно увидеть в поэтических произведениях Эсхила и Софокла. Поэтому неизбежным следующим этапом рефлексии становится появление древнегреческой философии.

Кельзен полагает, что в античной философии принцип возмездия получил рациональное обоснование, даже в контексте отдельных метафизических учений. Божества уже не рассматриваются в качестве причин всего происходящего в мире. Дополнение несовершенного правопорядка осуществляется через обоснование в религии и философии идеи бессмертия души. В учении орфиков бессмертная душа заперта в теле человека, а власть над телом должна быть ограничена аскетизмом земной жизни. Г. Кельзен делает вывод, что идея суда над умершими у орфиков связана не только с перевоплощениями души ради искупления вины, но и с фундаментальной для античной религии и философии идеей возмездия [6, р. 225]. Так, страдания, видимые в этом земном мире, есть всего лишь проявление наказания за неизвестную вину в прошлой жизни, исчезнувшей из нашего сознания. Либо вина, которая очевидна, но не искуплена в этом мире, найдет искупление после смерти. Поскольку многие мифологические образы получают свое воплощение в языковых формах, отдельные исследователи отмечают связь лингвистических значений понятий *причины* и *вины* в различных формах языков народов мира [12, с. 30]. В известных диалогах Платона *Горгий* и *Федон* вера в бессмертие души связывается им с реализацией справедливой идеи возмездия [4, р. 368]. Аналогично и в диалоге *Государство* Платон перечисляет, какие могут быть награды и наказания для души после смерти. Он метафорически описывает судей, которые направляют души праведников направо, где их ждет путь к счастью, и души неправедных на путь слева к горьким страданиям. Фактически наряду с несовершенным земным миром он

конструирует другой мир, где запрос на справедливость и возмездие полностью выполняется. Таким образом, в восприятии платонизма можно отметить такой базовый тезис у Кельзена, как первичность этики по отношению к метафизике [13]. Вся статья Г. Кельзена *Platonic Justice* посвящена обоснованию идеи о том, что этика Платона побуждала его предпринимать активные политические действия по воплощению идеала справедливости и реформированию политического строя [4, р. 374].

В 1939 г. на страницах журнала *Erkenntnis*, посвященного в основном аналитической философии, была опубликована статья Кельзена *Causality and Retribution* [11], которая в дальнейшем в расширенной версии появится уже на страницах журнала *Philosophy of Science* [14]. В этой статье он анализирует дальнейшие этапы развития античной философии и обращает внимание на аргументы о причинности как альтернативе принципу возмездия в философских взглядах Гераклита и Демокрита. Идея логоса у Гераклита и атомизм Демокрита оценивается им как попытка ухода от религиозно-мифологических представлений: «Идея о том, что только подобные вещи могут влиять на другие вещи, может быть обнаружена среди атомистов, у которых принцип причинности отделен от мифологических истоков» [6, р. 235]. Логическим завершением этого процесса развития античной философской мысли Кельзен считает атомистическое учение Демокрита как прообраз идеи строгой причинности, поскольку признание существования в мире только атомов, постоянно сталкивающихся и расходящихся друг с другом в пространстве, не допускает поиска иных нематериальных причин такого движения [11, р. 426].

Историко-философская реконструкция этапов развития античной философии применительно к разграничению принципов возмездия и причинности позволяет Кельзену на материале современной теории познания обосновать тезис о том, что принцип причинности не меняет своей природы по мере выявления статистических закономерностей в современной науке, или парадоксов квантовой механики. Меняются лишь его отдельные элементы и понятийный аппарат научного мышления. Тесная связь научного мышления и философской рефлексии выступает важным средством научного познания природы и общества. Фактически принцип возмездия, которому посвящена большая часть статьи [11] в современной интерпретации приобретает в нормативизме завершённую форму в виде принципа вменения (а не причинности, характерной для естествознания), требующего анализа правовых последствий человеческих действий. Публикуемый ниже перевод статьи Кельзена позволяет новаторски осмыслить известные постулаты нормативизма и раскрыть неизвестные ранее черты его философского и научного наследия.

Примечания

¹ Наиболее значимый вклад в изучение правового наследия Ганса Кельзена и публикацию переводов его трудов внес в своих публикациях М. В. Антонов (см.: Антонов М. В. Чистое учение о праве: варианты перевода и интерпретации // Российский ежегодник теории права. 2011. Вып. 4. С. 499–510 [1]).

² Так, в отдельных публикациях можно увидеть такое поверхностное мнение, например, что правовые нормы в концепции Г. Кельзена «не имеют дела с реальными процессами»

(Ваина Е. В., Курчеев В. С. Нормативистская теория права Ганса Кельзена как пирамида независимых от сущего норм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2009. Т. 5, вып. 2. С. 17) [2]. Конкретных ссылок на произведения Кельзена в этом случае, как правило, авторы не приводят.

³ Характерно, что предпринимались попытки называть Г. Кельзена «логическим позитивистом» Венского кружка без анализа неокантианской составляющей нормативизма (см.: Золкин А. Л. Аналитическая школа права и аналитическая философия // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 2. С. 63) [3].

⁴ К этому примеру Кельзен неоднократно обращается в публикуемом ниже переводе его статьи *Causality and Retribution* 1939 г. [11], предвосхищающей ряд его дальнейших рассуждений в книге *Society and Nature* [6].

Библиографический список

1. Антонов М. В. Чистое учение о праве: варианты перевода и интерпретации // Российский ежегодник теории права. 2011. Вып. 4. С. 499–510.
2. Ваина Е. В., Курчеев В. С. Нормативистская теория права Ганса Кельзена как пирамида не зависящих от сущего норм // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Право». 2009. Т. 5, вып. 2. С. 14–20.
3. Золкин А. Л. Аналитическая школа права и аналитическая философия // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2005. № 2. С. 63–66.
4. Kelsen H. *Platonic Justice* // *Ethics*. 1938. Vol. 48, no. 3. P. 367–400.
5. Kelsen H. *The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy* // *International Journal of Ethics*. 1937. Vol. 48, no. 1. P. 1–64.
6. Kelsen H. *Society and Nature*. A Sociological Inquiry. Harvard, 1943. 399 p.
7. Кельзен Г. Чистое учение о праве, справедливость и естественное право / сост. и вступ. ст. М. В. Антонова. СПб.: Издат. дом Алеф-Пресс, 2015. 704 с.
8. Пома А. Критическая философия Германа Когена. М.: Академический проект, 2012. 319 с.
9. Коген Г. Теория опыта Канта. М.: Академический проект, 2012. 618 с.
10. Дидикин А. Б. Философия права Ганса Кельзена: релятивизм и переосмысление причинности (с переводом статьи Кельзен Г. «Причинность и вменение») // *Schole*. Философское антиковедение и классическая традиция. 2015. Т. 9, вып. 2. С. 265–282.
11. Kelsen H. *Causality and Retribution* // *Erkenntnis*. 1939. Vol. 8, Issue 1. P. 424–429. DOI: 10.1007/BF00176050.
12. Маслиева О. В. Становление категории причинности (на материале истории языка). Ленинград: Наука, 1980. 105 с.
13. Платон. Полное собрание сочинений. В 4 т. М., 1990–1994.
 1. 1990. 860 с.
 2. 1993. 528 с.
 3. 1994. 654 с.
14. Kelsen H. *Causality and Retribution* // *Philosophy of Science*. 1941. Vol. 8, no. 4. P. 533–556. DOI: 10.1086/286733.

ДИДИКИН Антон Борисович, доктор философских наук, кандидат юридических наук, заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, ведущий научный сотрудник. SPIN-код: 4897-4450
ORCID: 0000-0003-0808-8900
AuthorID (SCOPUS): 56308857400
ResearcherID: C-7039-2018
Адрес для переписки: abdidikin@bk.ru

Дидикин А. Б. Логика «чистого познания» и концептуальное осмысление принципа причинности в нормативизме // Омский научный вестник. Сер. Общество. История. Современность. 2020. Т. 5, № 1. С. 103–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107.

Статья поступила в редакцию 28.12.2019 г.
© А. Б. Дидикин

UDC 340.124
DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107

A. B. DIDIKIN

Institute of State and Law RAS,
Moscow, Russia

THE LOGIC OF «PURE KNOWLEDGE» AND CONCEPTUAL UNDERSTANDING OF PRINCIPLE OF CAUSALITY IN NORMATIVISM

The paper is devoted to the analysis of the philosophical foundations of Hans Kelsen's normativism, presented in the arguments of the Marburg school of neocantianism. With the help of the reconstruction of the «logic of pure knowledge» by H. Cohen, the conceptual apparatus of normativism is reinterpreted. Special attention is paid to the conceptual analysis of the principle of causality in scientific knowledge, the roots of which are found in ancient philosophical thought and mythology with the idea of retribution. As additional arguments for the legal methodology the arguments of the normativist theory are given, justifying a methodological alternative to the search for cause-and-effect relationships in legal reality.

Keywords: normativism, legal norms, causality, retribution, mythology, ancient philosophy, Hans Kelsen.

References

- Antonov M. V. Chistoye ucheniye o prave: varianty perevoda i interpretatsii [Pure Theory of Law: variants of translation and interpretation] // Rossiyskiy ezhegodnik teorii prava. Rossiyskiy Ezhegodnik Teorii Prava. 2011. Vol. 4. P. 499–510. (In Russ.).
- Vaina E. V., Kurchev V. S. Normativistskaya teoriya prava Gansa Kel'zena kak piramida nezavisyashchikh ot sushchego norm [The normativists theory of law of H. Kelzen (the pyramid of norms, independent on the substantive)] // Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pravo». NSU Vestnik. Law Series. 2009. Vol. 5, Issue 2. P. 14–20. (In Russ.).
- Zolkin A. L. Analiticheskaya schkola prava i analiticheskaya filosofiya [Analytical School of Law and Analytical Philosophy] // «Chernyye dyry» v rossiyskom zakonodatel'stve. Black Holes in Russian Legislation. 2005. No. 2. P. 63–66. (In Russ.).
- Kelsen H. Platonic Justice // Ethics. 1938. Vol. 48, no. 3. P. 367–400. (In Engl.).
- Kelsen H. The Philosophy of Aristotle and the Hellenic-Macedonian Policy // International Journal of Ethics. 1937. Vol. 48, no. 1. P. 1–64. (In Engl.).
- Kelsen H. Society and Nature. A Sociological Inquiry. Harvard, 1943. 399 p. (In Engl.).
- Kelsen H. Chistoe uchenie o prave, spravedlivost i estestvennoe pravo [Pure Theory of Law, Justice and Natural Law] / Comp. M. V. Antonov. St.-Petersburg, 2015. 704 p. (In Russ.).
- Poma A. Kriticheskaya filosofia Germana Kogena [Critical Philosophy of Herman Cohen]. Moscow, 2012. 319 p. (In Russ.).
- Cohen H. Teoriya opyta Kanta [Kant Theory of Experience]. Moscow, 2012. 618 p. (In Russ.).
- Didikin A. B. Filosofia prava Gansa Kelsena: relyativizm i pereosmyslenie prichinnosti [Legal Philosophy of Hans Kelsen: relativism and rethinking of causation (with translation of paper

- Kelsen H. «Causality and Imputation») // Schole. 2015. Vol. 9, Issue 2. P. 265–282 (in Russ.).
- Kelsen H. Causality and Retribution // Erkenntnis. 1939. Vol. 8, Issue 1. P. 424–429. DOI: 10.1007/BF00176050. (In Engl.).
- Maslieva O. V. Stanovlenie kategorii prichinnosti [Formation of Causality Category]. Leningrad: Nauka Publ., 1980. 105 p. (In Russ.).
- Plato. Polnoye sobraniye sochineniy. V 4 t. [Collected Papers. In 4 vols.]. Moscow, 1990–1994. (In Russ.).
- T. 1. 1990. 860 s. [Vol. 1. 1990. 860 p.].
- T. 2. 1993. 528 s. [Vol. 2. 1993. 528 p.].
- T. 3. 1994. 654 s. [Vol. 3. 1994. 654 p.].
- Kelsen H. Causality and Retribution // Philosophy of Science. 1941. Vol. 8, no. 4. P. 533–556. DOI: 10.1086/286733. (In Engl.).

DIDIKIN Anton Borisovich, Doctor of Philosophical Sciences, Candidate of Law, Head of Legal Philosophy, Legal History and Legal Theory Department, Leading Researcher.

SPIN-code: 4897-4450

ORCID: 0000-0003-0808-8900

AuthorID (SCOPUS): 56308857400

ResearcherID: C-7039-2018

Address for correspondence: abdidikin@bk.ru

For citation

Didikin A. B. The logic of «pure knowledge» and conceptual understanding of principle of causality in normativism // Omsk Scientific Bulletin. Series Society. History. Modernity. 2020. Vol. 5, no. 1. P. 103–107. DOI: 10.25206/2542-0488-2020-5-1-103-107.

Received December 28, 2019.

© A. B. Didikin